

ИСТОРИКО-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

СОКРОВИЩА СТАРОГО ПОРТФЕЛЯ

ТРИЛОГИЯ

АЛЕКСАНДР СОРОКОВИК

Александр Сороковик

Сокровища старого портфеля

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Сороковик А.

Сокровища старого портфеля / А. Сороковик —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715357-0

В 1904 году штабс-капитан Горчаков находит старый портфель с наследственными документами, таинственной древней статуэткой и раритетной банкнотой большой ценности. Он и его друг, журналист Киреев, а потом их потомки разгадывают тайны этих сокровищ. Действие романа происходит в обеих столицах Российской империи, Одессе, Париже, Шанхае, на безымянном острове Курильской гряды, в современных Токио и Москве. Кто окажется наследником старинного замка? Выполнит ли своё предназначение древняя статуэтка? Кому достанется раритетная банкнота ценой в миллионы долларов? Ответы на все вопросы – в этом романе.

ISBN 978-0-88-715357-0

© Сороковик А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Книга 1. Исчезнувший портфель	5
Часть 1. Странная находка	5
Пролог. Уездный город Ипатьевск, Сентябрь, 1906	5
Глава 1. Одесса, июнь, 1907	6
Глава 2. Одесса, июнь, 1907	8
Глава 3. Одесса, июнь, 1907	11
Глава 4. Крым, август-октябрь, 1907	13
Глава 5. Санкт-Петербург, октябрь, 1907	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Сороковик

СОКРОВИЩА СТАРОГО ПОРТФЕЛЯ

(Историко-приключенческий детектив)

Книга 1. Исчезнувший портфель

Часть 1. Странная находка

Пролог. Уездный город Ипатьевск, Сентябрь, 1906

В это утро полицейский пристав Евсеев был не в духе. Вчера он допоздна засиделся в хорошей компании за картами в сочетании с большим количеством рябиновки, и то, что сегодня его вытащили из кровати в такую рань, хорошему настроению не способствовало. Однако дело было не пустячное: в номерах мадам Белькер обнаружили покойника. Причём офицера, поручика, да ещё и заколотого кинжалом в спину. Вся комната была перерыта, вещи разбросаны – очевидно, искали что-то ценное. То, что боевого, судя по наградам, офицера зарезали, словно барана, говорило, что убийца или убийцы были ему знакомы, и до последнего момента вели с ним вполне приятельскую беседу.

Прислуга показала, что господин поручик остановился в номерах за день до гибели, в вечер самого убийства что-то праздновал, было много гостей, и офицеров, и штатских, которые приходили и уходили в продолжение всего вечера. Его благородие отпустил кухарку и горничную, оставил только Гришку, крестьянского мальчика лет двенадцати, чтобы бегать, если понадобится, в соседний трактир, пожаловал ему двугривенный.

Кто гостил у господина поручика, мальчишка, конечно, не запомнил – несколько раз бегал в трактир, а потом было уже поздно, и он задремал в уголке прихожей. Но их благородие больше его не звали, он проспал до утра, а затем горничная, пришедшая прибрать в номере, обнаружила постояльца убитым и подняла крик. На счастье Евсеева, вскоре приехали военные следователи, снова всех допросили и отпустили, сказав, что делом будет заниматься военная прокуратура, чему господин квартальный был чрезвычайно рад.

Однако к этой радости примешивалась изрядная доля раздражения. Евсеев не понимал, за что убили обычного поручика, незнатного и небогатого, судя по простому, потёртому мундиру и грубым, не изнеженным рукам. И убили его не случайно, в стихийно возникшей пьяной ссоре. Удар был нанесён профессионалом, сзади, под левую лопатку, когда офицер сидел за столом и, очевидно, разговаривал с сообщником убийцы. И обыск в комнате проводился целенаправленно, не хаотично. Случайные воры оставляют совсем другие следы. Скорее всего, убийцы были среди гостей, а когда все разошлись, хотели о чём-то договориться с поручиком, но это им не удалось, и они его убили.

Впрочем, это только домыслы. Заниматься данным делом он не будет, значит, надо выкинуть всё из головы. Господин пристав зашёл в трактир Хорева, выкушал для поправки здоровья рюмочку горькой, закусил ломтиком тамбовского окорока и отправился по делам службы.

Глава 1. Одесса, июнь, 1907

Небольшой ресторанчик на Ришельевской был почти заполнен, хотя обеденное время ещё не наступило, едва перевалило за полдень. Сюда заходили закусить маклеры из близлежащих контор, мелкие чиновники, журналисты и другая подобная публика. Вошедший господин – высокий, стройный, с тонкими, закрученными вверх усами и цепким взглядом выразительных серых глаз на смуглом лице, производил впечатление военного человека, несмотря на светлый цивильный полотняный костюм.

Он внимательно оглядел зал и, приметивши в углу пустой столик, направился к нему, слегка припадая на левую, плохо слушающуюся своего владельца, ногу. Проходя по залу, господин в светлом костюме неуклюже повернул влево, к намеченной цели, не удержался на непослушной ноге и толкнул сидящего в одиночестве невысокого, рыжевато-плотного субъекта в круглых близоруких очках. Тот невольно дёрнулся, пролив водку из рюмки, поднятой для дальнейшего препровождения по назначению.

– Пёс вас подери, медведь эдакий, нельзя ли поосторожнее? – воскликнул он.

Высокий господин обернулся к нему, хотел было ответить, как подобает, но вдруг слегка отстранился и неуверенно произнёс:

– Савелий, ты, что ли? Савка?

Тот, кого называли Савкой, наоборот, придвинулся поближе, поставил рюмку на стол, внимательно посмотрел в лицо высокому, и, опрокинув стул, кинулся к нему в объятия.

– Николка, Николка, негодяй ты эдакий, нашёлся! А я тебя разыскать пытался, писал в имение матушке твоей, Анне Леонтьевне! Ты пропал, она не отвечает, не знал, что и думать...

– Матушка моя померла перед самой войной, в девятьсот четвёртом, сразу после Рождества – неожиданный апоплексический удар...

– Прости, не знал... Царствие ей небесное. Да ты садись ко мне, сейчас коньячку шутовского закажем за встречу!

– А ты всё такой же! – улыбнулся Николай, присаживаясь за столик, отставив немного в сторону плохо сгибающуюся ногу. – С утра водочку пьёшь, а после готов коньячку добавить?

– Нет, только сегодня – отмечаю выход своего величайшего, интереснейшего фельетона, который перевернёт сознание наших граждан... Ну, традиция у меня такая, великие вехи рюмочкой-другой отмечать! Я ведь в «Одесских новостях» журналист не из последних! Ты давай, кончай цепляться, лучше о себе расскажи! До каких чинов дослужился?

– Да что рассказывать, я всю японскую войну прошёл, от начала до конца... Потом по госпиталям, по санаториям: восстанавливался, заново ходить учился, – он глазами показал на непослушную ногу, – а сейчас вот домой приехал, списывают меня из армии... Штабс-капитан в отставке Горчаков, к вашим услугам!

– Ранение? – понял Савелий. Затем подхватился и стал звать официанта.

– Ты погоди, Савка, не мельтеши, – остановил его друг, – по рюмочке закажи, не боле. Мне сегодня в военный департамент ещё надобно, по делам. Нехорошо, если от меня разить будет. Да и тебе довольно. Ты лучше пойдёшь, отдохни, а вечером пообедаем с тобой в приличном месте, тогда и шутовского раздадим бутылочку, и поговорим толком.

– Вот ты какой, Николка, – притворно-печально произнёс журналист, – всё, как прежде, не даёшь спокойно выпить, да порадоваться! Ладно, ты где хоть остановился?

– В «Имперiale», номер двадцать семь.

– Ну, так я за тобой зайду часиков в восемь. А пока, извини, побегу, ещё надо кое-кого повидать.

– Беги, беги! А я тут позавтракаю, с твоего позволения!

* * *

Савелий заявился к нему в номер в начале девятого. Был гладко выбрит, трезв, рыжая шевелюра, насколько возможно, причёсана. Вместо грубых дешёвых кругляшей, на переносице гордо восседала изящная черепаховая оправа со слегка задымлёнными стёклами. Небрежно повязанный шёлковый галстук украшала булавка с конской головой и рубинами. В руке он держал элегантную трость с костяным набалдашником в виде той же лошадиной головы.

– Савелий, ты ли это? – воскликнул поражённый Николай.

– Нет, сударь, это не я, – гнусавым голосом опереточного аристократа возвестил Савелий. – Перед вами граф (у него получилось – «пегед вами гтаф») Сэвили де Круа. С кем имею честь?

– Ах ты, Савка. Ах, чертяка! Всё такой же, всё прежний! Как же я рад тебя видеть!

Они вновь обнялись, троекратно, по-русски расцеловались. Затем Николай быстро взял Савелия под руку и решительно направился к выходу.

– Всё, дружище, немедленно едем кутить! Нас ждёт шутовский коньяк, омары и прочие радости, как в былые времена!

– Ну, в былые времена мы больше на очищенную налегали, да вместо омаров «Одесскую» колбасу кушать изволили! – улыбнулся Савелий.

Перешучиваясь и смеясь, они вышли на улицу, где Николай хотел кликнуть извозчика, но Савелий его остановил:

– Зачем? Пойдём в ресторан «Печескаго», тут два шага!

– Ну, води, а то я, признаться, подзабыл, где тут что!

* * *

– Так ты теперь у нас светило журналистики? – за столиком в углу царил атмосфера безмятежной расслабленности. Бутылка коньяку почти опустела. До этого они перебрали всех знакомых и родственников – кто и где сейчас живёт, чем занимается. Обсудили февральский голод, роспуск Второй Думы и выступление Столыпина, другие важные события.

Говорили и о Портсмутском мире. Николай высказывался по-военному, довольно резко – обвинял правительство в слабости и больших уступках японцам. Савелий дипломатично возражал, что здесь, напротив, имела место твёрдая, принципиальная позиция Государя – никаких контрибуций и территориальных уступок! Ведь Россия никогда за всю свою историю, никому не платила контрибуций! И, если бы не уступчивость Витте, то и часть Сахалина не отдали бы!

Однако спора не получалось – оба давно не виделись, их связывала многолетняя дружба, которую никто не желал расшатывать политическими разногласиями. Но тема недавней войны была поднята, и дальнейший разговор далеко от неё не отходил. А вскоре Николай спросил, не хочет ли его друг услышать одну необычайную историю, произошедшую с ним на войне.

– Я ведь, как приехал в Одессу, всё хотел тебя найти – никому больше эту историю не доверишь, а ты журналист, писатель, может, что посоветуешь.

– Ну, «писатель», это ты загнул, я газетчик, не беллетрист. Но послушаю тебя с интересом.

– Слушай тогда. Может, и вправду, подскажешь чего...

Глава 2. Одесса, июнь, 1907

– Случилось это летом 1904-го года, уже после поражения на Ялу, но до Ляояна. Хаос, отступление, атаки, контратаки... Однажды мы неожиданным ударом захватили небольшой маньчжурский городишко Дуйшинь. Разгромили оборону и рано утром ворвались в него. Японцы никак не ожидали нашей атаки, накануне их разведка донесла, что мы отступили и о нападении не помышляем. Всё так и было, но к нам неожиданно прорвалась казачья сотня под командованием есаула Богатко. И решил наш командир, капитан Рыжов, Царствие ему Небесное, внезапно ударить по этому городишке – там был японский штаб.

Мы пронеслись по улицам, стреляя и рубя выскакивающих навстречу японцев, не давая им опомниться и сосредоточиться. Охрана штаба защищалась с ожесточением смертников, но мы просто смяли их на кураже и ворвались в здание. Скоро всё было кончено. В плен японские офицеры не сдавались, а поэтому все были убиты. Когда хотели захватить одного легкораненого лейтенанта, он вытащил длинный нож и вспорол себе живот. Нет, что ни говори, как противники, японцы вызывали уважение.

Да, так вот. Среди убитых японских офицеров был один европеец лет тридцати пяти. Одетый в хороший дорожный костюм, ухоженный, явно штатский. Он лежал возле входа, очевидно, только приехал, но чья-то пуля остановила его на полдороге. Около него валялся дорожной кожаный портфель с секретным замком. Мы быстро пособирали все документы, карты и прочее, что нашли на столе и в сейфе, и поспешили обратно: сил у нас было мало, мы взяли стремительностью, натиском, но понимали, что когда японцы опомнятся и навалятся на наш маленький отряд, нам несдобровать.

Мне было очень интересно узнать, кто этот убитый европеец в дорожном костюме. Почему он оказался в японском штабе? Пленный? Вряд ли: во-первых, он был слишком ухожен, а во-вторых, откуда у них такой пленник? Он явно не был русским, скорее европейцем или американцем. Я подхватил его портфель, полагая, что там находятся важные бумаги, и мы, вскочив на своих коней, ринулись обратно.

Все захваченные документы, в том числе и кожаный портфель, мы передали нашему командиру. Оперативные карты он оставил у себя, а остальное собирался доставить в штаб полка, но не успел. В тот же день японцы начали неистовые атаки на наши позиции. Мы ничего не могли понять – наш полк занимал крохотную деревушку, не имеющую никакого стратегического значения. И всё же японцы атаковали нас с каким-то непонятным упорством – шли в атаку за атакой, теряя множество своих солдат, но неуклонно продвигались вперёд.

Многие наши оказались убиты, погиб и капитан Рыжов. Тогда я, как старший по званию, приказал отходить назад, к своим. Мы с огромным трудом оторвались от наседавших японцев, и то, благодаря выдвинувшимся навстречу нашим частям, привлечённым необычной стрельбой.

В общем, Савка, во всём этом хаосе я чудом уберёг тот портфель. Пытался несколько раз выяснить, что с остальными документами, хотел заинтересовать штабных рассказом о таинственном иностранце, об его портфеле. Но от меня все отмахивались. Готовилось контрнаступление на совершенно другом направлении, никому не было дела до каких-то портфелей с гражданскими письмами. Да-да, я вскрыл его и рассмотрел содержимое, когда никого рядом не было. Там находилось множество бумаг, каких-то писем на немецком языке, которого я не знал, но это были явно не военные документы. Ещё там имелся конверт с северо-американскими долларами и завернутая в пергамент изящная коробочка с небольшой фигуркой то ли Будды, то ли другого восточного божества. Из какого-то драгоценного дерева – гладкого, с тёмными разводами, источавшего, несмотря на явную древность, почти неуловимый аромат.

Я забросил этот портфель в свои вещи и стал забывать о нём. Никому он оказался не нужен, все были в нервическом движении: в должность вступал новый командир полка, молодой, честолюбивый; он готовился атаковать, и ему совсем не хотелось напоминаний о разгроме нашего отряда. Почему я просто не выкинул портфель? Не знаю... Мне казалось, что его содержимое таит какую-то загадку.

– Постой, постой! – Савелий, до этого внимательно слушавший друга, встрепенулся. – А много там было денег?

– Трудно сказать, я их не считал, да и не знаю я эти деньги. Только по надписям и определил, что американские. Их было не очень много, разные, мелких номиналов, но имелось там две банкноты по тысяче.

– По тысяче? – журналист был очень удивлён, – Первый раз слышу о таких крупных банкнотах!

– Да я в этом и не разбираюсь, просто обратил внимание на них, потому что... ну, не знаю, тысяча в любом случае – редкость!

– Ладно, и что же дальше?

– А дальше, дружище, я почти забыл об этом портфеле. Война, знаешь ли. Сегодня атакуем, завтра отступаем. Но скоро снова вспомнил о нём. Наш полк отвели в тыл, мы разбили палаточный лагерь и ждали, когда нас укомплектуют и вновь отправят на передовую. В полк пришли новые офицеры, разные среди них были. Но вот одного я запомнил очень хорошо. Остзейский немец, штабс-капитан барон Генрих фон Штальке. Типичная немчура – расчётливый, педантичный, холодный. Никогда голову не теряет, не злится, голос не повышает. Но что мне странным показалось, очень он интересовался тем нашим рейдом с захватом японского штаба. Сначала я вроде даже обрадовался – такой слушатель благодарный, всё восхищался нашей храбростью, расспрашивал, что да как. Тогда из офицеров, в том налёте участвовавших, в полку только я, поручик Ковальчук, да Митя Мартынов остались. Прочие, кто раненый в тыл уехал, кто, как есаул Богатык в свои казачьи полки вернулся.

Вот он и крутился около нас, всё интересно ему было, что да как. Тут у меня и проснулись подозрения. Никто раньше ничем не интересовался, а тут все вопросы вокруг да около. А потом меня словно озарило: он же немец, а в портфеле там письма и документы на немецком! Но откуда он вообще про это узнал, что документы какие-то были?

В общем, решил я эту загадку прояснить. Не то любопытно, что остзейский барон свои какие-то фамильные письма разыскивает, а то, почему их этот американец в японский штаб привёз!

– А с чего ты решил, что он именно американец? Он паспорт при себе держал? – быстро возразил Савелий, глаза его блестели.

Николай рассмеялся слегка принуждённо:

– Ну Савка, ну писака! Не скроешься от тебя... Ты прав, я кроме портфеля, грешным делом, в карман к нему залез, да портмоне вытащил – сильно хотел узнать, что это за птица.

– И как, узнал? – Савелий откинулся на стул, довольно улыбаясь и крутя в руках рюмку с коньяком.

– Узнал, не узнал, – недовольно проворчал Николай, неодобрительно глядя на улыбающегося журналиста, – была там бумажка, по-английски писанная, что, мол, предъявитель сего, некий Джек Смит из Нью-Йорка, представитель какой-то там фирмы. Я ведь по-английски неплохо знаю, не то, что по-немецки!

– А там так и было – Джек Смит?

– Ну да. Я хорошо запомнил, мне ещё странным показалось, имя такое, хрестоматийное, что ли...

– Вот и я о том же. Наверное, ему эту бумажку перед выездом в Маньчжурию сделали. Как же, Джек Смит! Впрочем, это пока – побоку, ты лучше расскажи, что там дальше было!

– А дальше, Савка, всё плохо было, – помрачнел Николай, – как-то вечером, после винта с обычной сопутствующей выпивкой, мы в очередной раз трепались с фон Штальке, и опять про рейд вспомнили, и снова портфель этот упомянули. А Митя вдруг возьми и скажи: «Помню, мол, был такой портфель, я его недавно нашёл и спрятал, а где спрятал, никто кроме меня не знает!». Я, было, удивился, что он там видел, и где спрятал, а потом понял, что Митя просто выделяется перед этим фон Штальке, да и перед остальными офицерами. Он самым младшим был, мальчишка совсем, прапорщик¹, а этот – штабс-капитан, как и я, brave офицер и всё такое. Ну, и выпили мы, как обычно. Нам-то ничего, хоть немедля в атаку, а Митеньку понесло. Начал руками размахивать, твердить, что прямо сейчас портфель этот достанет, а завтра господину полковнику предъявит. И действительно, куда-то отправился, пошумел немного, мы даже хотели за ним пойти, утихомирить да спать уложить: война ведь, хоть и не на передовой, но всё же...

Мы тоже вскоре разошлись, посмеиваясь над юным прапорщиком, и собираясь улечься спать. До сих пор не понимаю, что меня толкнуло свернуть туда, где была Митина палатка. Какая-то тревога царапала изнутри. Всплывали в памяти эти странные разговоры, постоянное напоминание о таинственном портфеле, явный интерес к нему фон Штальке и глупая Митина бравада.

К сожалению, тревога моя оказалась не напрасной. А хуже всего – я опоздал! В Митиной палатке всё было перевернуто вверх дном, а сам он убит – заколот штыком. Штабс-капитан фон Штальке исчез без следа. Наутро был получен приказ о начале контрнаступления, никто не стал ничего расследовать, всё списали на пьяную ссору.

Были отчаянные сражения, мы то бросались вперёд, то отступали. Много чего происходило там, в Маньчжурии – война, сам понимаешь. Потом были Мукден и Цусима, а летом наш полк попал в такую переделку, что до сих пор с дрожью вспоминаю. Там я и был ранен – шимоза², будь она неладна! Перед отправкой в госпиталь упаковал портфель в несколько слоёв бумаги и отдал на хранение своему ординарцу, Ивану Слепченко. Он тоже был ранен, но не так сильно, поэтому отправлялся прямо домой. Это преданный мне человек, очень надёжный – я как-то его, раненого, на себе вытащил, и он это помнил. Взял у него адрес и велел хорошенько хранить свёрток, не вскрывая и никому не показывая.

Воля твоя, но скрывает он в себе что-то необычное. Американец привёз его в японский штаб, русский офицер увёз оттуда. Тут же японцы обрушили все свои силы на маленький отряд, не занимавший никакого стратегически важного положения. Не затем ли, чтобы вновь завладеть им? Далее – остзейский немец убивает мальчишку-офицера, который намекает, что он якобы обладает этим портфелем. А в портфеле – какие-то непонятные немецкие письма, странные американские деньги и таинственная фигурка восточного божка!

– Да уж, прелюбопытная история, – Савелий приподнял свою рюмку, выпил и, слегка морщась, закусил долькой лимона, – и где же этот портфель, у твоего ординарца?

– Да, он написал мне, что спрятал его надёжно, ждёт, когда я за ним приеду.

– А далеко он обитает, этот Слепченко?

– В Крыму, в небольшом городке на побережье около Керчи...

– Ты уверен, что до него не доберутся? Наш барон, или ещё кто?

– Не думаю, Савка. Тут вот какое дело... – Николай достал из портмоне клочок бумаги, передал его другу, – три дня назад мне подбросили эту записку, почитай...

Савелий развернул бумажку, приблизил к глазам. Почерк был твёрдый, резкий, слегка угловатый. «Милостивый государь! Мы знаем, что Вы обладаете неким портфелем, содержание которого безразлично для Вас, но весьма интересно нам. Если пожелаете расстаться с ним

¹ прапорщик – первое офицерское звание в русской царской армии, соответствует нынешнему младшему лейтенанту.

² шимоза – снаряд, граната, начиненные шимозой – взрывчатым веществом, которое применялось в японской армии.

к нашей обоюдной пользе, мы готовы выплатить за его содержимое десять тысяч рублей. В случае согласия с нашим предложением, ждём Вас три дня, начиная с завтрашнего, в десять утра в кафе «Фанкони» для дальнейших переговоров. К Вам подойдут».

– Как видишь, они думают, что портфель у меня.

– Не обязательно, – быстро возразил Савелий, – они могут предлагать такие сделки тем из офицеров, кто имел отношение к этому налёту на японский штаб. Так ты хочешь, чтобы я помог расследовать тебе это любопытное дело?

– Не только хочу, Савка, но и прошу тебя об этом!

– Ладно, договорились. Тогда ты завтра с утра, на свежую голову, нарисуй мне всё, что ты там видел в этом портфеле – статуэтку, банкноты, и портреты тоже – всё что помнишь и считаешь важным. А я загляну к тебе ближе к вечеру, попробуем разобраться, что к чему!

Они выпили ещё по чашке кофею, посидели немного и разъехались по домам.

Глава 3. Одесса, июнь, 1907

Следующим вечером Савка заявился в номер к Николаю и сходу потребовал рисунки. Уважительно поцокал языком, разглядывая аккуратно выполненные, чёткие картинки.

– Талант! – вздохнул он, – Рембрандт!

На первом листочке красовалось несколько эскизов различных банкнот. И если мелкие номиналы были выполнены небрежно, скорее, как наброски, то тысячная купюра отличалась довольно-таки подробно выписанными деталями. Слева, в овальной рамке – портрет борода-того военного в профиль, скорее всего, генерала. Находящиеся в середине указания номинала и страны, были нанесены более эскизно, очевидно, не так хорошо отложились в памяти. Почти всю обратную сторону занимали цифры: единица и три нуля, расписанные вертикальными волнистыми линиями.

Следующий лист был покрыт набросками каких-то цветов и рыцарских доспехов, а верхнюю его часть украшал портрет офицера: надменное, холёное, чуть вытянутое лицо, редкие волосы тщательно приглажены, под прямым, с горбинкой, носом – рыжеватые усы.

Третий лист содержал тщательно выполненные рисунки той самой статуэтки восточного божка, а также коробочки, в которой она находилась, скорее даже – шкатулки. Савелий любовался прекрасно выполненными изображениями, затем положил их на стол и спросил:

– Ну, с банкнотами и статуэткой всё понятно, офицер этот – явно фон Штальке, а вот что это за цветы и доспехи?

– Это рисунки, украшавшие листы, на которых были написаны письма – те, что я не смог разобрать.

– И что, они были на бумаге изначально, или тот, кто это писал, украшал текст рисунками, как Пушкин?

– Ты знаешь, я припоминаю сейчас, листочки там были разные. Вот эти рисунки – да, они нанесены на более современной почтовой бумаге. Но там ещё были какие-то древние пожелтевшие листы. Некоторые – без всяких украшений, а некоторые – вроде даже с печатями... Я же говорю, пару раз только осматривал содержимое, да и то, больше всего меня статуэтка заинтересовала, потом эти деньги, особенно крупные. Ну, а письма – в последнюю очередь, тем более, я в них не понял ничего.

– Ладно, давай тогда так. Отдыхай, делай визиты, управляйся с делами, а попутно вспоминай всё, что с этой историей связано, да записывай. А я пока справки наведу, в Публичной библиотеке посижу, с людьми поговорю. Тут дело и впрямь непростое, а тебе мелькать не стоит, за тобой и следить могут, – заметив его возмущённый жест, Савелий мягко уточнил: – ты, Николаша, со мной не спорь, я по своим газетным делам с какой только шушерой не общаюсь, знаю, что говорю. Ты человек военный, прямой, а я хитрая журнальная крыса, всё больше по

закоулкам... Ладно, денька через два-три нагрюну. У меня ведь ещё своя работа есть, никто её не отменял! Если заинтересую главного этим делом, оформлю, как редакторское задание, тогда будет полегче.

* * *

Савелий пропадал четыре дня. Вначале Николай действительно занимался обычными делами. Навестил нескольких знакомых, ещё раз побывал в военном Департаменте, погулял по городу. На третий день пробовал звонить в редакцию «Одесских новостей», спрашивать Савелия. Разумеется, никто ничего не знал, да и не особо хотел разговаривать. Наконец, вечером третьего дня ему передали записку: «Завтра непременно будь у себя в пять пополудни. Есть новости. С.»

На следующий день ровно в пять, в дверь номера постучали. Николай открыл и уставился на странного человека явно еврейского происхождения: тёмная, с проседью, борода, чёрный длиннополый лапсердак, чёрная же шляпа с широкими полями, из под которой выбивались курчавые пейсы, в руке – потёртый саквояж. Странный еврей живо просочился в номер и озабоченно пробормотал сильно картавя:

– И шо, ви таки не будете закрывать эту дверь? Ви хотите, чтоб уся гостиница видела Изю Гольдмана заходить к русскому офицеру делать свой маленький гешефт?

– Какой гешефт? – оторопел Николай.

– Нормальный еврейский гешефт! – сказал гость обыкновенным голосом, снимая шляпу с пейсами и открывая знакомую рыжую шевелюру. – Закрой уже, в конце концов, дверь. А заодно и рот! – Савка коротко усмехнулся.

– Чтоб тебя! – Николай закрыл, наконец, дверь и мрачно уставился на друга, – Что это ещё за маскарад?

– А то, мой дорогой, что дело это гораздо серьёзнее, чем ты думаешь! Подозреваю, что за мной могли следить, вот я и замаскировался, чтоб никто на тебя раньше времени не вышел! Портфельчик-то твой, оказывается, преинтересная штучка!

– Давай уже, рассказывай, – по-прежнему неприветливо буркнул Николай, – не тяни! И бородёнку свою можешь отодрать.

– То-то, не тяни... Ну, задал ты мне задачку, Николка! А заодно и себе. Я тут порылся по библиотекам, поговорил с людьми, намёками, конечно, поговорил. Таинственная штука – твоя статуэтка.

Как известно, буддизм в Японии – самая распространённая религия. Одна из её особенностей состоит в разделении на множество школ и учений. Для одних главное – это ритуалы, для других – философские размышления, для третьих – медитация и так далее. Одни школы были популярны среди монахов, другие – среди учёных, иные – среди самураев. Эта фигурка древняя и имеет отношение не только к монахам, но и к правителям. Судя по твоему рисунку, на шкатулке были изображены какие-то иероглифы. Конечно, правильно запомнить и затем нарисовать их ты не смог, а это бы значительно облегчило нашу задачу.

Скорее всего, эта фигурка имела для японцев ритуальное значение. Может, они собирались использовать её, как некий защитный талисман, а может, с её помощью хотели одержать победу или поднять боевой дух. И, похоже, что это не просто фигурка. Я всего не запомнил, господин учёный увлёкся и начал оперировать такими терминами, которые даже я со своей профессиональной журналистской памятью не запомнил. Но там шла речь о неких древних школах буддизма, таинственных монастырях, затерянных в горах... Последователи Будды не занимаются стяжанием сокровищ – речь, очевидно, идёт о чём-то мистическом. В общем, не думаю, что военные планировали её использовать, как материальную ценность, это не в япон-

ском характере. А профессор очень просил, если у нас будет эта фигурка, обязательно прийти к нему, тогда он сможет рассказать о ней более подробно.

Вот что тут явно материальное, так это банкноты. Я показал твои рисунки одному лекционеру – специалисту по бумажным деньгам, бонам. И он рассказал, что в Северо-Американских Соединённых Штатах в прошлом веке ещё существовала сложная система эмиссии, каждый банк выпускал кредитные билеты самостоятельно, все они отличались друг от друга цветом, размером, рисунком, номиналом. Чаще всего это были почти ничем не обеспеченные бумажки, быстро терявшие стоимость. Однако если заказ на выпуск бумажных денег исходил от американского правительства, то такие деньги обменивались на золото и серебро, поэтому ценились высоко. В основном на твоих рисунках изображены банкноты периода 1860-1890-х годов. Мелкие номиналы, скорее всего относятся к разным банкам, и особой ценности не представляют, хотя, что-то определённое он мог бы сказать, только подержав эти купюры в руках. А вот «тысячники» могут быть интересны. Это совсем недавний выпуск, 1891-го года. Их отпечатали небольшим тиражом, по заказу американского правительства. Появление этих банкнот, свободно обмениваемых на золото, сильно подрывало золотой резерв банков, ведь номинал был высок и запас драгоценного металла быстро истощался. Банки стали изымать эти купюры из обращения, поэтому их оборот начал резко сокращаться. Кстати, они получили прозвище «Большие арбузы» – из-за вертикальных чёрных линий на зелёных нулях.

Вряд ли они представляют какую-то коллекционную ценность, но в любом случае, их можно поменять на золото по номиналу, а это уже немало. Разумеется, немало – в масштабе частного лица, а не в масштабе японских военных, бросивших ради них на убой целый полк.

Меньше всего мне удалось узнать о твоих таинственных письмах. Идти к кому-то с одними беглыми рисунками, которые ты запомнил, и даже не зная толком языка этих писем, я просто постеснялся. Кстати, а ты уверен, что это был именно немецкий?

– Ну, я так думаю, – неуверенно пожал плечами Николай, – там ещё буквы были, ну совсем германские, что ли... Ну, вот такие, – он притянул к себе листок и быстро нарисовал большую букву «G», угловатую, удлинённую, со всякими завитушками...

– Были, конечно, были, – усмехнулся Савка. Это называется «готическое письмо», оно характерно, конечно, для немецкого языка, но в древности употреблялось и для латыни, а потом и в других североевропейских странах: Франции, Британии, Швеции, Голландии. Между прочим, голландский и шведский языки очень похожи на немецкий! Но из-за твоего фон Штальке примем рабочую версию, что это всё же немецкий.

– И что следует из этой твоей рабочей версии?

– Да ничего, – Савелий покачал головой, – слишком мало мне известно. Надо самому почитать эти письма. В общем, Николка, если хочешь что-то понять в этом деле, нужно забирать твой портфель и копать дальше. Ты пусти слух, что тебе наследство вышло, и уехать придётся срочно, только не говори, куда! А сам быстренько за портфелем!

Глава 4. Крым, август-октябрь, 1907

Поездка Николая в Крым не принесла неожиданностей. Бывший ординарец Слепченко находился в добром здравии и был доволен жизнью. Передал портфель, на вопросы о том, не приезжал ли кто, не спрашивал ли про него, не интересовался ли портфелем, весело отвечал:

– Никак нет, ваш-бродь, усё тихо!

Николай погостил у Ивана пару дней, вышел несколько раз с ним в море на рыбалку и остро думал, как отблагодарить своего бывшего подчинённого. Но вскоре понял, что честному парню совершенно довольно того внимания, которое оказывают соседи и родственники – далеко не к каждому из них приезжал в гости его благородие штабс-капитан, герой войны, с

боевыми ранами. На третий день Горчаков перебрался в керченскую гостиницу, где снял номер из двух смежных комнат и стал ожидать приезда Савелия.

На этот раз Савка ввалился к нему в своём обычном виде, под вечер. Едва умывшись с дороги, потребовал портфель «для осмотра и потрошения». Бережно взял в руки, оглядел со всех сторон, покачал неодобрительно головой: «Не мог аккуратнее разрезать, медведь нетерпеливый!». Наконец, открыл его и начал вытаскивать содержимое. Покрутил в пальцах изящную шкатулку, полюбовался на рисунки, достал саму статуэтку. Бережно поднёс к глазам, рассмотрел со всех сторон.

– Очень любопытная вещь, очень! От неё так и веет древностью, мистикой, тайной! Не удивлюсь, если именно за ней тогда бросились японцы! Не удивлюсь... – он с сожалением спрятал статуэтку обратно в шкатулку, отложил в сторону.

– А теперь – письма, таинственные немецкие... ну да, точно немецкие письма, – Савелий хватал листочки, жадно вчитывался в них, откладывал в сторону, брался за следующие, – так-так... оч-чень любопытно, только какой идиот их так безбожно перемешал? – поднял глаза на Николая, хмыкнул: – Ну, извини, не идиот! Понимаю, ты спешил, не до того было, а мне теперь их раскладывать по порядку! Это притом, что номера страниц как-то забыли проставить... В общем, тоже интересная история, похоже тут не зря твой фон Штальке крутился! В двух словах, здесь переписка по некоему древнему наследственному делу, ещё с прошлого века! Какие-то земли, замок, рыцарские сокровища, привезённые из крестовых походов. Мне надо посидеть с этими письмами, разобраться, почитать внимательно.

Напоследок Савелий вытащил не очень толстый конверт, достал небольшую пачку разношёрстных банкнот. Разбросал их веером по столу, потом поднял, принялся внимательно разглядывать.

– Лукавый их разберёт! – с досадой бросил он банкноты обратно на стол, – Тут разновидностей – море! Надо показать их тому профессору, специалисту по бонам, а то я не пойму, зачем их столько, разных! Ладно, ты давай иди спать, а я посижу ещё, поразбираю переписку эту, почитаю... Завтра мне в дорогу не рано, успею выспаться!

– А куда ты поедешь? И что делать мне?

– Тебе, Николка, надо продолжать крутиться здесь, делать вид, что всё ещё занимаешься наследством. Из тебя актёр, конечно, никакой, ты толком даже ни переодеться не сможешь, ни следы запутать. А так, ничего, крутись себе на людях и всё. А я, уж извини, портфельчик твой с собой прихвачу, буду расследовать дальше. Надеюсь, ты мне доверяешь?

– Что ты несёшь, Савка, чёрт такой! Чтоб я тебе да не доверял! – возмутился Николай.

– Ну, то и хорошо, что доверяешь... Только знаешь, больше так меня не называй, да и сам тоже, не очень...

– То-то я смотрю... – прищурился Николай, раньше ты через слово, всё чё... м-м, ну в общем, это... А сейчас только «пёс» да «лукавый»!

– Заметил? – улыбнулся Савелий, – Это я с прошлого года. Пришлось мне тогда по газетным делишкам в городе Кронштадте побывать. Дрянной городишко, доложу тебе. Босяки, пьянь, рвань. Вечером далеко от гостиницы не отходи, запросто голову проломить могут. А мне-то как раз и надо не по центральным улицам рыскать, а по таким именно притонам. В Одессе-то я всех босяков знаю, в Питере тоже многие знакомы, а здесь как-то не очень мне уютно.

Ну, повидался с кем надо, спешу к себе, а тут гляжу, навстречу мне толпа движется. Странная толпа, замечу. Вроде босяки, идут нельзя сказать, что спокойно, шумят, руками размахивают. Но всё это совсем беззлобно что ли, наоборот, даже восторженно. Впереди батюшка идёт: обычный такой, не помпезный, худощавый, в одной ряске лёгонькой и... босиком! На улице март-месяц, между прочим, грязно, холодно, мокро. А он идёт себе, словно в сапогах и в шубе, да улыбается так радостно, светло.

Поравнялись они со мной, а я стою, смотрю на него, словно заколдованный, уж больно чудная картина получается. Тут он со своей свитой около меня останавливается и ласково так говорит, словно давнему знакомцу:

– Что, Савелий, чудно тебе?

– Чудно, – говорю, – батюшка!

– А ты не чудись, я одежду да сапоги вот этим людям отдал, они им нужнее, а мне Господь ещё даст. Ты бы тоже пожертвовал что-нибудь, глядишь, и тебе Бог бы помог. А то ты всё для себя, да для врага стараешься!

– Какого врага? – не понимаю.

– А того самого, который у тебя всё знает, да всех побирает! Не поминай его больше, тогда тебе лучше будет!

Не помню сам, как портмоне вытащил и давай раздавать деньги налево и направо. А священник стоит, улыбается, смотрит на это всё действо. Затем кивнул мне, благословил и пошёл дальше со всей этой толпой босаячком.

Не поверишь, Николка, с той поры язык не поворачивается эти слова произносить, будто останавливает какая-то сила. Даже, если слышу подобное, вздрагиваю. А дела мои после этого и впрямь в гору пошли, и гонорары мне повысили, и темы пришли интересные...

* * *

Утром Николай проснулся рано и, едва одевшись и умывши лицо, принялся в нетерпении прохаживаться по комнате, часто подходя к Савкиной двери – слушать, не проснулся ли?

Подходил к столу, доставал то статуэтку, то конверт с банкнотами. Перебирал их, рассматривал, в досаде бросал обратно и снова принимался топтаться под дверью, припадая на раненую ногу.

Наконец, около десяти часов, дверь отворилась и мрачный, не выспавшийся Савелий появился в комнате Николая.

– Ну что тебе неймётся-то, леший? – хмуро спросил он. – Я всю ночь в этих письмах ковырялся, под утро только задремал, а тут ты давай под дверью топтаться, вздыхать, стульями греметь! И что ты у нас такой нетерпеливый? Поспал бы лучше с утра!

– Не могу я спать, и так полночи проворочался, всё думал, что там, в этих бумагах? А тебя я знаю: буркнешь два слова и умчишься, оставив меня тут во мраке неведения. Вот и караюлю с утра...

– Ладно, не топчись без толку, иди лучше, самовар организуй, а я умоюсь, в порядок себя приведу; за чаем и поговорим.

Вскоре друзья сидели за столом. Савелий говорил негромко, словно опасаясь, что их подслушивают, без своих обычных шуточек, поглядывая при этом на Николая внимательно и изучающе.

– Так вот, Николка, прелюбопытная штука с этими письмами выходит. Не буду нагружать твой корабль грузом ненужных подробностей, но в двух словах, история такова. Есть в Германии замок Шлосс Шварцштайн – язык сломать можно, не так ли? А между тем – это красивое романтическое имя: Замок Чёрного камня. И владеет с 1872-го года этим замком некий барон Отто фон Вальц. Именно в этом году закончилась долгая тяжба фон Вальца с другим немецким дворянином, также претендовавшим на этот замок, назовём его пока просто Клаусом. Когда-то у них были общие предки, этот замок принадлежал их далёкому прапрапрадеду, потом пути этих родов разошлись, они оказались в разных придворных партиях и постепенно стали непримиримыми врагами.

На протяжении многих лет эти дворянские фамилии вели тяжбу за родовое гнездо. Но замок всегда принадлежал фон Вальцам, как более близким потомкам первых владельцев.

Тогдашний глава их рода, Курт фон Вальц, то ли не успел составить завещание, то ли оно затерялось, то ли его выкрали. В этом случае замок доставался прямому наследнику, этому самому Отто. Клаус, глава конкурирующего рода, претендующий на замок, пытался доказать неправомерность такого решения, ссылаясь на свидетелей, видевших завещание Курта, составленное в его пользу, в обход своего родственника.

Конечно, ему никто не поверил, ведь самого завещания не было, да и с какой стати Курт составил бы его в пользу своего врага? В общем, замок остался за фон Вальцами. Он расположен в плодородной долине, к нему прилегают земли, виноградники, сады. А кроме того, по слухам, где-то среди многочисленных комнат и подвалов замка, спрятаны ценности, награбленные общими предками этих дворян во время крестовых походов.

А в твоём портфеле, Николаша, есть то самое пропавшее завещание, и в нём, действительно, указана другая фамилия, не фон Вальц. Больше того, там есть бумаги, объясняющие это странное решение – доказательства того, что Курт фон Вальц был замешан в каких-то тёмных делах на стороне врагов правящей династии Гогенцоллернов. Очевидно, он сговорился с Клаусом о том, что завещает ему тот самый замок Чёрного Камня в обмен на компрометирующие бумаги, которые могли сильно повредить и ему и его потомкам. Если бы им дали ход, фон Вальцы могли лишиться и этого замка, и другого имущества, и репутации.

Я не знаю, что там произошло, почему все документы оказались в этом портфеле. Но есть одна очень любопытная деталь: фамилия того самого Клауса – фон Штальке!

– Вот это да! – Николай приподнялся на стуле, – Ловко, ничего не скажешь! Теперь понятно, зачем штабс-капитан так охотился за этим портфелем! – он помолчал, а затем осторожно спросил Савелия: – Слушай, друг Савка, неужели там это всё так складно было описано? Прямо сочинение сэра Р. Л. Стивенсона!

– Ты забываешь, мой дорогой, что я – журналист, мастер пера! Просто свёл воедино всё, что мне удалось там найти, вот и получился такой «Замок сокровищ»! Теперь смотри: каким-то образом этот портфель с документами попадает в руки того самого Джека Смита, которого убили в японском штабе. Может, он был его владельцем, а может, просто курьером, это не важно. Статуэтка Будды, очевидно, предназначалась в подарок японцам, кроме того, они должны были получить хорошую долю от фон Штальке. Каким-то образом они рассчитывали с ним встретиться и передать портфель с бумагами, ведь он вскоре прибыл в те края. А конверт с деньгами... Не знаю, может, он также служил платой японцам, а может, это были дорожные расходы.

– Эх ты, мастер пера, – покачал головой Николай, – наворотел тут сюжета! Ну какого чё... то есть, лешего нашему Смиту понадобилось тащить этот портфель на войну, да ещё и к японцам! Гораздо проще было найти этого фон Штальке в Риге или в Петербурге и спокойно уладить все дела!

– Ну, не знаю, может, не успели, война началась...

– Так и привёз бы сразу ему, на наши позиции!

– Не знаю, Николка, не знаю... что-то тут ещё кроется, но что? Ты мне лучше скажи: как ты собираешься с этими документами поступать? Это всё, конечно, очень интересно, но какой тебе профит от всего этого?

– Причём тут профит? Я тебе не купец какой-то там гильдии, чтоб везде профит искать! Поймать этого фон Штальке и в суд его – пусть ответит за убийство Мити Мартынова да за то, что с японцами снюхался!

– А ты сможешь это доказать? Кто будет, какой суд, разбираться в этой давней, да ещё и фронтовой истории?

– Не знаю, может, ты и прав. Тогда я его просто застрелю!

– И пойдёшь на каторгу! А то и того – убийство офицера, военно-полевой суд... и расстрел в двадцать четыре часа. Оно тебе надо?

– А ты что предлагаешь, стратег? – хмуро спросил Николай.

– А вот то и предлагаю! Сколько, говоришь, тебе тогда посулили... ну, в записке этой? Десять тысяч?

– Да, десять. Но ты же не думаешь, что я соглашусь взять деньги у этого негодяя? Тогда надо просто отнести этот портфель в полицию, пусть они там сами разбираются!

– Слушай, друг мой, а для чего ты всю эту историю затевал? Просто узнать, что там за портфельчик притащили американцы японцам для остзейского барона? Зачем мне рассказывал? Зачем мы с места сорвались, торчим здесь, в Ната Пинкертона играем? Чтоб господину полицмейстеру подарочек преподнести? А вот скажи, у тебя какой пенсioen от Военного ведомства? Молчишь? Ты за сколько лет десять тысяч накопить сможешь? А если их в дело пустить, безбедно жить будешь! Да ещё и выигрышных билетов прикупишь!

– Я у негодяя денег не возьму! Лучше сожгу этот портфель, и все дела!

– Не сожжёшь. Мы вот что сделаем. Я поеду в Петербург, там потрясу немного кое-каких людишек, докопаюсь до истоков этого дела. Почему такое богатство оказалось у какого-то Джека Смита? Кто он такой? Если мы это узнаем, то понять остальное будет проще. А там уже вместе решим, что дальше делать. Идёт? А у меня в этом деле свой профит: распутать это всё до конца, и в газете матерьяльчик тиснуть, с продолжением, номеров на десять!

– Идёт, Савка, только учти – если снюхаешься с этой немчурой, я тебе больше не товарищ, понял?

– Понял, понял, мой неподкупный друг! Обещаю без тебя с немцами не снюхиваться и ничего им не передавать!

– То-то! И учти, не шучу я! Когда можно будет к тебе приехать?

– Не знаю, как дела пойдут. Я тебе депеши присылать буду. Только вот не напишешь же в депеше всё, как есть! Слушай, Николка, ты с шифрами на войне дело имел?

– Какие там шифры! Я боевой офицер, моя задача – атаки, манёвры, отступления.

– Жаль, можно было бы в депешах воспользоваться!

– Вряд ли военные шифры нам пригодятся, – улыбнулся Николай, – там в основном цифирь, видел я как-то...

– Ну, конечно, конечно... А вот, я слышал, есть такой универсальный шифр, там без ключа ничего не поймёшь: написано одно, а читаешь совсем другое! Мне один профессор рассказывал, дока в этих делах. Из одного слова берёшь нужные буквы, из другого – сколько их, из третьего – ещё что-то, не запомнил. Ну и получается вроде того, что написано любовное послание, а читаешь шпионское донесение!

– Нет, Савелий, я в этих хитростях не силён! Не по мне это.

– Ладно, тогда о ходе дела писать ничего не буду, а как настанет пора приехать, так и напишу: тётушка, мол, сильно заболела, хочет тебя видеть, срочно приезжай!

– Ох, Савка, вечно у тебя какие-то хитрости! Ты, главное, помни о нашем договоре! Да и не собираюсь я тут долго задерживаться, всё уже понятно, загадку ты распутал, чего ещё?

– погоди ты, «распутал»! Ещё надо кое-что до конца выяснить, все моменты. Ладно, долго тебя здесь не задержу, только сам никуда не суйся!

Вскоре пришло время Савелию уезжать. Он выскользнул из гостиницы через чёрный ход, растворился в кривых переулках и исчез, оставив Николая в лёгкой тревоге и некоторых сомнениях – слишком хорошо он знал деятельную натуру своего друга.

Глава 5. Санкт-Петербург, октябрь, 1907

Столица встретила Савелия холодным мокрым ветром, унылыми, грязными улицами с продрогшими прохожими и стылыми экипажами, свинцовыми, мрачными санкт-петербургскими реками и каналами. После тёплого, солнечного даже в октябре Крыма это было осо-

бенно тоскливо. Зябко поёживаясь, Савелий вскочил в извозчичью пролётку и покатил в сторону Литейного. Размытая фигура, в сером, как питерское ненастье, плаще, следовавшая за ним от самого перрона, вскочила в другую пролётку и, подняв трость, приказала извозчику ехать следом...

* * *

Профессор Кринский принял Савелия в тот же вечер. Долго рассматривал статуэтку, вчитывался в иероглифы на крышке шкатулки, рылся в толстых книгах. Размахивал руками, что-то бормотал, совсем забыв про журналиста. Наконец, немного успокоился и посмотрел на Савелия осмысленным взглядом.

– И что вам угодно, молодой человек? – спросил он надтреснутым голосом, не выпуская из рук статуэтку.

– Мне угодно узнать, представляет ли это какую-то ценность. Я получил её в наследство, но не знаю...

– Ценность? О чём вы говорите, юноша? Древнее изображение Будды из монастырей школы Тэндай-сю... Вот, смотрите, на крышке иероглифы, видите, что там написано?

– Нет, простите, я не владею японским...

– Да, разумеется, иначе бы вы всё без меня поняли. Эта одна из самых таинственных школ буддизма, в переводе – Опора Небес. Сторонники этой школы всегда имели влияние при императорском дворе и среди крупных военачальников. Скорее всего, это XVII век, время подъема сёгуната Токугава и объединения Японии. Последователи Тэндай-сю, монахи затерянных среди гор монастырей, похоже, собирались подарить эту статуэтку кому-то из первых представителей сёгунской династии, чтобы он, в свою очередь...

– Простите, господин профессор, а сколько может стоить сия фигурка? Видите ли, я скромный чиновник, коллежский асессор, случайное наследство...

– Этого я не знаю, юноша, – сухо произнес профессор, сразу осекшись, – здесь, в России, вы её вряд ли продадите, это скорее, музейная ценность. Частные коллекционеры тоже не заинтересуются. Поезжайте в Японию, там это легче сделать. И то, надо будет найти истинных потомков сёгуна, которому предназначалась сия вещь, тогда, может быть, вам удастся выручить за неё какую-то сумму.

– Спасибо, господин профессор, – Савелий изобразил на лице самую почтительную гримасу и, мелко кланяясь, попятился к выходу, – не смею больше вас утруждать...

– Глафира, проводи господина коллежского асессора, – профессор повернулся к Савелию спиной и важно удалился в столовую, не обращая более на него внимания.

* * *

В последующие дни Савелий посещал Публичную библиотеку, редакции газет, где работали знакомые журналисты, кабинеты учёных, коллекционеров-бонистов. Его можно было увидеть и в «Кюба» на Большой Морской, чинно беседующим с богато одетым господином, и в третьесортном трактиришке на Малой Охте с неким юрким типом в поношенном костюме, обладателем быстрого, цепкого взгляда и перстня с фальшивым бриллиантом в четыре карата.

Очень скоро он заметил, что за всеми его передвижениями следят – то пролётки, едущие за ним, то юркие, неприметные типы со стёртыми физиономиями. Савелий по роду своей работы раньше сталкивался и с филёрами и с частными детективами и склонялся к мысли, что это были именно последние. Филёры обычно отличались тупостью и грубой работой, а те, кто сейчас следил за ним, вели себя более профессионально. Рядовой обыватель, не имевший никогда дел с частным сыском, скорее всего их бы и не заметил. Да и с чего бы Охранному

отделению интересоваться Савелием? Политическими делами он никогда не занимался, и всегда слыл благонадёжным гражданином.

Нет, наверное, это люди фон Штальке. Потеряв след Николая, они сосредоточились на Савелии. Значит, вскоре нужно ждать нападения. Конечно, Петербург – это не фронтовая Маньчжурия, здесь просто так человека не убьёшь, но осторожность не казалась лишней. Приходилось носить с собой револьвер, разрешённый ему, как журналисту, работающему с уголовным миром. Портфель тоже нельзя было оставлять в гостинице – два раза уже он находил аккуратно замаскированные следы тайного обыска.

Савелий спешил. Головоломка почти сложилась, оставалось только несколько штрихов и всё станет на место. Он отправил депешу Николаю, чтоб приезжал, вместе с ней разослав ещё десяток на различные адреса, дабы запутать след. Наконец, в четверг, ему доставили записку, которую он так ждал. На хорошей бумаге безукоризненным почерком было написано следующее: «Если Вы согласны с нашими условиями, благоволите завтра быть в известном Вам месте в десять часов утра». Савелий усмехнулся, быстро нацарапал ответ из одного только слова «Согласен» и велел передать написавшему.

Затем он уехал в Мариинский театр, где просидел в дальнем ряду партера весь долгий спектакль, после чего отправился в шумный, людный ресторан средней руки, работавший всю ночь.

Там он щедро поил толпу прихлебателей и девиц нескромного поведения, раздавал обильные чаевые, умудряясь при этом только слегка пригубливать шампанское. Под утро, не жалея серебра, нанял десяток извозчиков, рассадил в них гикающую, поющую и орущую толпу и с топотом помчался по утренним улицам, совершенно затерявшись среди них в своей неотличимой от других, закрытой пролётке...

* * *

Вечером, когда серая мгла заключила столицу в свои влажные, сырые объятия, Савелий вернулся к себе в гостиницу. Портъё, отдавая ключ, сообщил, что несколько раз его спрашивали два каких-то господина, сказали, что зайдут попозже. Какие будут насчёт них приказанья? Савелий пожал плечами:

– Проси, если не сильно поздно.

Гости постучались в номер около девяти часов. Савелий ждал их, сидя в небрежной позе, за столом, в открытом ящике которого помещался заряженный револьвер.

Один из вошедших был высок, подтянут, отличался военной выправкой. Лицо его, чуть вытянутое, с тщательно приглаженными волосами и рыжеватыми усами, выражало холодную надменность. Второй казался более развинченным, пониже ростом, худощавый, с нервически бегающими глазами.

Высокий чуть заметно поклонился и с холодной вежливостью поинтересовался:

– Имею честь видеть господина Савелия Киреева, журналиста?

– Именно так, – слегка улыбнулся Савелий, – а вы – барон Генрих фон Штальке, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.